

СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ: ТАКТИКА ОППОЗИЦИОННЫХ АКТОРОВ

Владислав Сергеевич Лапин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 ноября 2016 <i>Принята к печати:</i> 28 мая 2017</p>	<p>Аннотация: Многообразие современных недемократических электоральных политических режимов определяется институциональными, структурными, акторскими (процедурными) различиями внутри сообщества «новых автократий». Траектории политических трансформаций и режимных изменений в таких гибридах зависят во многом от конкретных политических решений и действий ключевых для демократизации акторов. В настоящей статье проанализированы действия оппозиции по мобилизации и внутриопозиционной кооперации как «выигрышной» тактики в электоральных недемократических режимах соревновательного типа. Эмпирическая часть исследования включает: 1) формирование базы данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislatures; 2) статистическую обработку данных об участии/неучастии оппозиционных акторов в публичных протестных акциях, количестве участников акций, совместных акциях оппозиции, тематиках акций; 3) конструирование и измерение эмпирически наблюдаемых признаков, что позволило сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Полученные результаты позволяют ответить на вопросы: в какой мере используют российские оппозиционные акторы в качестве мобилизационного ресурса публичную протестную активность и в какой мере они готовы к взаимодействию друг с другом в публичном протестном поле?</p>
<p>Об авторе: аспирант, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского e-mail: lapinvladislav@rambler.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Демократизация, электоральный режим, соревновательный авторитарный режим, оппозиция, гражданское общество</p>	

Введение

Политический режим как одна из фундаментальных категорий политической науки продолжает оставаться в фокусе не только политологических исследований, но и исследований междисциплинарного характера. Более того, за последние 20 лет изучение политических режимов, их типологизация, анализ траекторий их трансформации стали ключевыми исследовательскими задачами в том числе и применительно к российской политической практике. Такое положение дел обусловлено кризисом теории демократического транзита, чье базисное положение о линейной трансформации режимов – от авторитаризма к консолидированной либеральной демократии, было эмпирически

опровергнуто. Оптимизм транзитологов в отношении режимных трансформаций в ходе «третьей волны» демократизации¹ за последнее десятилетие XX века сменился очевидным разочарованием. В ряде стран действительно закрепились демократические институты, были пройдены этапы либерализации, демократизации и, наконец, консолидации (примеры в посткоммунистических странах: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия). Однако трансформация по представленной схеме далеко не всегда была доведена до своего логического завершения, порождая неоавтократии и гибридные режи-

¹ Huntington, Samuel. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991

мы, в транзитологии ранее называемые переходными. Так, в процессе демократического транзита методы и формы политического взаимодействия, качество функционирования политических институтов закономерно далеки от паттерна либеральной демократии, однако это – переходные издержки. Такое состояние, переходный режим, в теории эволюционирует, окончательно избавляясь от элементов авторитаризма с установлением и укреплением демократических практик и институтов. На практике переходный режим зачастую теряет свои динамические характеристики, стабилизируется, приобретает устойчивость. В этой ситуации, в ситуации проваленного транзита, имеет смысл говорить уже не о переходном режиме, а о гибриде. Современная политическая наука определяет гибридный режим как политический режим, сочетающий в себе элементы авторитаризма и демократии². Данное определение представляется насколько универсальным, настолько и упрощающим политическую практику, поскольку каждый из гибридных режимов отличается своей институциональной средой и институциональным качеством.

Различия между траекториями политических трансформаций и режимных изменений объясняются влиянием двух групп факторов: структурных и процедурных (актор-ориентированных)³. Первая группа состоит из формирующих условия для развития демократии факторов, то есть «объективных» процессов и предпосылок. Вторая – из «субъективных факторов», в

основе которых лежат конкретные политические решения и действия ключевых для демократизации акторов, разрабатывающих политические стратегии и тактики. Такими акторами, инициаторами демократических реформ, могут стать как правящая политическая элита, так и мобилизовавшая массы оппозиция. При этом нельзя с уверенностью сказать, что одна из групп факторов во всех случаях имеет преимущественное значение для режимного изменения. В то же время определенное сочетание структурных и процедурных факторов позволяет выделить конкретные типологические группы⁴. В кластере «проблемные траектории», в который входит и Россия, исследователи наблюдают значительное влияние актор-ориентированных факторов. Возникновение гибридных режимов в странах этой группы обусловлено не столько «неправильными» структурными условиями, сколько действиями политических акторов. Среди значимых процедурных факторов исследователи отмечают наличие и способ давления «снизу» на «старый режим», выраженный, например, в виде массовых демонстраций⁵. Под таким давлением, отмечает уже В. Гельман, правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем на расширение пространства политического участия⁶. Именно анализу этого фактора – тактики оппозиции, как одного из ключевых политических акторов, и посвящено данное исследование. Отметим, что понятие «оппозиция» в на-

² Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 23.

³ Мельвил А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // *Полис*. – 2011. – №3. – С. 164-183. [Mel'vil', A.Ju.; Stukal, D.K. Usloviya demokratii i predely demokratizacii. Faktory rezhimnyh izmenenij v postkommunisticheskix stranah: opyt sravnitel'nogo i mnogomernogo statisticheskogo analiza (Conditions for Democracy and Limitations of Democratization. Regime Change in Post-Soviet Space: Comparative and Multidimensional Analysis) // *Polis*, 2011, No. 3, pp. 164-183.]

⁴ Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис*. – 2012. – № 2. – С. 8. [Mel'vil', A.Ju.; Stukal D.K.; Mironjuk M.G. Traektorii rezhimnyh transformacij i tipy gosudarstvennoj sostojatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Sustainability) // *Polis*, 2012, No. 2, p. 8.]

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – №4. – С. 31-43; Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // *Pro et Contra*. – 2014. – №1-2. – С. 106-123. [Gel'man, V.Ja. Rascvet i upadok jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii (Rise and Fall of Electoral Authoritarianism in Russia) // *Politija*, 2012, No. 4, pp. 31-43; Gel'man, V.Ja. Trudnoe vozrozhdenie rossijskoj oppozicii // *Pro et Contra*, 2014, No. 1-2, pp. 106-123.]

стоящей работе включает как «системную» (называемую также «лояльной») оппозицию правящей партии, так и несистемную (называемую также «принципиальной»). В работе проанализированы действия оппозиции по мобилизации и внутриоппозиционной кооперации как «выигрышной» тактики в электоральных недемократических режимах соревновательного типа. Эмпирическая часть исследования включает: 1) формирование базы данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislatures; 2) статистическую обработку данных об участии/неучастии оппозиционных акторов в публичных протестных акциях, количестве участников акций, совместных акциях оппозиции, тематиках акций; 3) конструирование и измерение эмпирически наблюдаемых признаков, что позволило сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Полученные результаты позволяют ответить на вопросы: в какой мере используют российские оппозиционные акторы в качестве мобилизационного ресурса публичную протестную активность и в какой мере они готовы к взаимодействию друг с другом в публичном протестном поле?

Электоральные недемократические режимы

Либеральная демократия и «чистый авторитаризм» являются полюсами, между которыми схематично располагаются гибриды. Как близко будет расположен гибрид к одной из двух своих крайних точек зависит от того, какие политические институты функционируют в том или ином режиме, как именно эти институты работают, кто принимает политические решения, используется ли репрессивный аппарат, а также от других индикаторов, оригинальность подбора которых и определяет многообразие существую-

щих концептов гибридов и их типологий. Широкое научное признание получили концепты гибридов, основанные на различных электоральных индикаторах: электоральный авторитаризм⁷ и соревновательный авторитаризм⁸.

Андреас Шедлер выделяет два типа политических режимов, находящихся между либеральной демократией и закрытым авторитаризмом: электоральную демократию и электоральный авторитаризм. В типологии Ларри Даймонда по полюсам также расположены либеральная демократия и политически закрытый авторитаризм, однако между ними схематично расположены уже четыре типа политических режимов: электоральная демократия, двойственный или амбивалентный режим, соревновательный авторитаризм, гегемонистский электоральный авторитаризм. Как можно заметить, Даймонд и Шедлер не объединяют либеральную демократию с электоральной демократией в условную общую категорию «чистой демократии» по аналогии с политически закрытым авторитаризмом. В концепции Шедлера электоральные демократии не выходят за рамки минимального предела демократии, предполагающего проведение свободных и честных выборов. Даймонд отмечает, что некоторые страны, оставшиеся в политически серой зоне – между полноценной демократией и прямой диктатурой – являются по факту электоральными демократиями, бесформенными и плохо функционирующими, но многие падают ниже предела электоральной демократии и, вероятно, останутся там в течение очень долгого времени. Тем не менее, он все же относит электоральную демократию к демократическому режиму.

Либеральную и электоральную демократии роднит характер избирательного процесса. Он открыт для участия в нем принципиальной оппозиции, выборы на конкурентной основе проводятся честно

⁷ Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2; Diamond, L. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

⁸ Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

(«free, fair and competitive elections»), то есть соблюдается фундаментальный принцип принятия решения большинством – мажоритарная природа демократии.

Однако может ли демократия сводиться лишь к электоральному процессу? Можно ли при таком измерении демократии игнорировать состояние дел вне выборов со свободой слова, защитой прав меньшинств, независимостью судов? Насколько демократичен режим «free, fair and competitive elections», проводящий, например, «этнические чистки», поддерживаемые большинством? А. Мельвиль крайне точно обозначил проблему так называемых демократий с прилагательными (электоральная, управляемая, имитационная, нелиберальная, делегативная и так далее). Он отмечает, что режим, названный очередной «демократией с прилагательным», необходимо концептуализировать в недемократической понятийной рамке, так как в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с «переходными», а с уже консолидированными неоавторитарными режимами⁹. Разделяя эту позицию, дополнительно отметим, что за широким распространением в политическом дискурсе «демократий с прилагательными», вероятно, стоит стремление субъектов принятия политических решений в соответствующих режимах, например: лидера, партии, военных – выглядеть «демократично, но не по западному образцу», для чего и концептуализируются модели так называемых национальных демократий.

Электоральный авторитаризм в отличие от электоральной демократии создает институциональные фасады демократии, включающие регулярные многопартийные выборы главы исполнительной власти и членов национального законодательного собрания, не для установления и укрепления демократических практик и институтов, а для маскировки и воспроизводства своей

авторитарной сущности¹⁰. Так, электоральный авторитаризм характеризуется, прежде всего, проведением «несвободных и нечестных», но регулярных выборов с целью поддержания легитимности. Такие выборы характеризуются: резервированием позиций для ключевых лиц, принимающих решения; маргинализацией оппозиционных партий через убийства, запреты, снятия с выборов кандидатов с помощью избирательного законодательства; препятствованием ведению оппозицией избирательной кампании через СМИ и в публичных местах, часто с использованием насильственных методов; регулированием качественного состава электората (методы регистрации, требования к идентификации); запугиванием избирателей и скупкой голосов, фальсификациями на основе «перераспределительного» подсчета голосов; снятием с избранных должностных лиц их властных полномочий¹¹.

Если электоральная демократия, равно как и либеральная демократия, функционирует по принципу «free, fair and competitive elections», а электоральный авторитаризм – «unfree and unfair election», то соревновательный авторитаризм характеризуется принципом «real, but unfair competition». В соревновательном авторитарном режиме формальные демократические институты широко рассматриваются в качестве основного средства получения и осуществления политической власти¹². Однако использование инкумбентами административного ресурса с целью оказания давления на оппозиционных кандидатов, СМИ, избирательные комиссии не позволяет концептуализировать данные режимы в демократических рамках. В отношении представляющих политическую опасность для инкумбентов оппозиционеров или журналистов применяются насильственные методы, вплоть до арестов и убийств. Поскольку масштаб и глубина различного рода

⁹ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты. Политология: Лексикон. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. [Mel'vil', A.Ju. Demokratischeskie tranzity. Politologija: Leksikon. (Democratic Transit. Political Science: Lexis) Moscow: «Rossijskaja političeskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2007.]

¹⁰ Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

¹¹ Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

¹² Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p 52.

электоральных фальсификаций и махинаций напрямую влияют на легитимность выборов, соревновательные авторитарные режимы не практикуют массовые фальсификации. Однако, когда формальные и неформальные «правила игры» меняются в пользу инкубентов, которые начинают действовать более жестко по отношению к своим политическим оппонентам, выборы перестают рассматриваться как хоть и нечестное, но все-таки реальное соревнование. В таких условиях соревновательный авторитарный режим трансформируется в электоральный авторитарный режим, однако возможен и обратный процесс, когда оппозиция консолидируется и мобилизует все доступные ей ресурсы для устранения негативных последствий действий инкубентов.

В электоральной классификации из всех гибридов и неоавтократий наиболее близок к закрытому авторитаризму гегемонистский авторитаризм. Такие режимы проводят регулярные выборы на бесконкурентной основе, широко практикуют нарушения политических и гражданских прав. Правящая партия имеет максимум электоральных преимуществ, в то время как оппозиции полностью закрыт доступ к государственным СМИ, запрещено проводить политические публичные акции, а ее представители подвергаются арестам и нападениям. Правящая партия и ее кандидаты выигрывают в подавляющем большинстве случаев, что приводит к фактической однопартийности. Марк Ховард и Филип Ресслер устанавливают границу в 70% голосов избирателей и выше¹³.

**Операционализация понятий:
соревновательность, мобилизация,
кооперация**

Мы видим, что *соревновательность* выступает ключевым параметром в концептуализации электорального политического режима. При этом данный параметр сам по себе является эмпирически ненаблюдаемым. Соревновательность можно теоретически

операционализировать на двух взаимосвязанных уровнях: как *соревновательная возможность* и как *соревновательная практика*. Возможность напрямую определяется качеством институциональной среды, является доказательством, например, зависимости или независимости судов, наличия или отсутствия доступа оппозиции к СМИ. Анализ переменных данного уровня, безусловно, является научно значимым, однако не лишен ряда недостатков. Так, измеряя значения соревновательности, такие как количество принявших участие в выборах различного уровня оппозиционных политических партий, финансовое, медийное и иное ресурсное обеспечение кандидатов и объединений, количество положительных решений избирательной комиссии по устранению предвыборных махинаций и нарушений, исследователь может сфокусироваться на внешних формальностях в ущерб существу параметра и его свойств. Да, в Конституции могут признаваться политический плюрализм и равенство общественных объединений, но насколько политическая практика воспроизводит закрепленные в Основном законе гражданские права и свободы? Не игнорируем ли мы качество электоральных процессов? Если в соревновательном авторитарном режиме, как было отмечено выше, формальные демократические институты широко рассматриваются в качестве основного средства получения и осуществления политической власти, то почему оппозиционные силы на практике не всегда проводят активную мобилизацию, не ведут агрессивную агитацию, не направляют своих наблюдателей на избирательные участки? Таким образом, следование за формальными критериями помогает лишь определить полюс: наличие демократической «оболочки» – демократия, отсутствие электоральных прав – авторитаризм. Очевидно, что большинство современных политических режимов не укладывается в упрощенные концептуальные рамки, поэтому, когда мы имеем дело с множеством гибридов, нам необходим куда более сложный набор переменных. Иначе говоря, важно не только возможно ли само по себе соревнование, но кто и как именно участвует в нем. Являются ли оппозицион-

¹³ Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2, p. 368.

ные партии реальными оппонентами правящей партии или же их функциональная суть заключена в демонстрации той самой демократической «оболочки»? Не является ли само соревнование фикцией?

Расширить такие концептуальные рамки позволяет операционализация соревновательности как политической практики оппозиционных субъектов политики с целью достижения и реализации своих общегрупповых и корпоративных целей и интересов. Более конкретно, эта практика выражается в конкретных действиях акторов по *кооперации* – взаимодействию с другими оппозиционными партиями и движениями – и *мобилизации* – организации массовой поддержки со стороны избирателей. Для того, чтобы перейти от уточненных, но все еще абстрактных понятий к конкретным эмпирически наблюдаемым признакам, необходимо определиться с системными формами кооперации и мобилизации. В мобилизации важнейшую роль играет конфликтное восприятие реальности избирателями, дающее толчок для деятельной активности граждан, в том числе и в сфере политики. В случае отсутствия обратной связи граждане, недовольные тем или иным положением дел, переносят протест в публичную плоскость, организуя и проводя протестные акции: митинги, пикеты, шествия, забастовки. Эти граждане – наиболее близкий для оппозиционных акторов электорат. Задача оппозиции здесь – перенести социальный конфликт в политическую плоскость, формируя у протестующих представление о возможности решения проблемы путем голосования на выборах, и адаптировать свою программу к интересам протестных групп. Игнорирование оппозицией массовой публичной протестной активности граждан как огромного мобилизационного ресурса является признаком формального участия в политическом соревновании. В свою очередь, кооперация внутри оппозиции необходима для расширения протестного электорального ядра и его аккумуляции. Для объединения оппозиционных ресурсов часто бывает достаточно всего одной проблемы: например, отмена в России прямых выборов глав муниципалитетов консолидировала в ряде

регионов весь оппозиционный спектр – от коммунистов до либералов. Отсутствие кооперации приводит к тому, что оппозиция борется не за власть, а за сохранение своих позиций в политической системе, соревнуясь не с правящей партией, а со своими потенциальными союзниками. Таким образом, эмпирически наблюдаемыми признаками стали: для мобилизации – *количество участников публичных протестных акций, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых*, для кооперации – *количество участников публичных протестных акций, организованных несколькими оппозиционными политическими партиями и общественными движениями или прошедших с участием официальных представителей таковых*. Измерение данных признаков позволит сегментировать публичную протестную активность на 2 базовые части: гражданская активность и мобилизационная активность – и затем определить: какова доля совместного участия различных оппозиционных партий и движений в мобилизационных акциях. Высокие значения обозначенных эмпирически наблюдаемых признаков будут говорить о нацеленности оппозиционных акторов на максимизацию электорального результата, низкие – о том, что их электоральная практика носит глубоко формальный характер и является по сути демократической «ширмой», скрывающей авторитарную природу политического режима.

Правитель и правящая бюрократия определяют электоральные принципы и участников электорального процесса, осуществляя жесткий контроль за установленными «правилами игры» на общенациональном уровне. С другой стороны, на региональном и муниципальном уровнях возможно наличие более конкурентной среды, чем на общенациональном. Это обусловлено: во-первых, удаленностью от административного центра государства, что затрудняет контроль за появлением новых игроков и деятельностью региональной управленческой и партийной элиты; во-вторых, наличием сформировавшихся в регионе центров влияния, определяющих уникальную политическую среду,

что затрудняет контроль за установленными универсальными «правилами игры»; в-третьих, близостью региональных игроков к избирателям. На региональном и муниципальном уровнях возможна и активная электоральная мобилизация и консолидация как различных игроков внутри лояльной оппозиции, так и объединение представителей лояльной оппозиции с представителями принципиальной по ключевым для региона/муниципалитета проблемам. Таким образом, для более точного определения места того или иного политического режима в электоральной классификации необходим анализ данных не только общенациональных выборных кампаний, но и уровней ниже, чему и посвящено данное исследование.

Тактика оппозиции

Для измерения эмпирически наблюдаемых признаков автором данного исследования была создана база данных публичных протестных акций в электоральном цикле 2015 года (январь-сентябрь) в Центральном федеральном округе России, включающем выборы глав ряда регионов, членов региональных и местных legislатур. Формирование информационной модели проводилось на основе ежедневного мониторинга общенациональных и региональных средств массовой информации, а также социальных медиа. Все полученные данные о событиях проходили проверку на истинность с помощью анализа максимально доступного количества материалов различных источников по теме. База данных включает 160 мероприятий, организованных как самими политическими партиями, так и протестными общественными группами. Основными критериями для включения событий в базу данных стали: медийный и общественный резонанс, актуальность и «острота» протестной тематики, количество и партийный состав участников. Первый критерий определяется количеством публикаций СМИ о событии, откликом на него в социальных медиа со стороны лидеров общественного мнения, реакцией на него органов государственной власти. Второй – жесткостью риторики участников события, его повесткой и

лозунгами. Третий – сопоставлением информации о количестве и составе участников из разных источников (данные организаторов, СМИ, МВД РФ, «Белого счетчика» и других). Таким образом, одно из «идеальных» для информационной модели событий – ставший главной новостью дня в регионе и вышедший на федеральный медийный уровень митинг с требованием отставки главы региона и его команды, в котором приняли участие несколько сотен человек, включая представителей лояльной и принципиальной оппозиции.

Протестные акции объединены в 4 группы по основным тематикам: *экологическая и градозащитная* (вырубка парков, вредное производство, точечная застройка, строительство автомагистралей), *политическая* (прозрачность выборов, внешняя политика, цензура, отмена прямых выборов глав муниципалитетов), *социально-экономическая* (невыплата зарплат, массовые сокращения на производстве, отмена льгот, давление властей на бизнес, валютная ипотека), *другая или смешанная тематика* (криминал, этнические конфликты, административные реформы по объединению муниципалитетов, сохранение финансирования спортивных клубов и культурных учреждений). Важно отметить, что в базу данных не были включены массовые протестные акции 1 марта 2015 года, посвященные резонансному убийству сопредседателя партии РПР-ПАРНАС Бориса Немцова, как уникальные и нетипичные события. Введение в базу только одного прошедшего в Москве траурного шествия, в котором приняли участие более 50000 человек, существенно исказило бы общую картину. По числу проведенных протестных акций и общему числу принявших в них участие граждан доминирует социально-экономическая тематика (80 акций, 21521 участников, среднее значение массовости участия – 269 человек). Тем не менее самое высокое среднее значение массовости участия наблюдается у группы акций по политической тематике, чьи соответствующие показатели равны 26, 8520, 328. Числовые значения показателей для группы «экология/градозащита» – 42, 6035, 144, «прочее» – 12, 1080, 90 (См. График 1).

Graph 1. The Number of Public Protests and the Number of Participants according to the Issue

В процентном отношении максимальная мобилизационная активность наблюдается в группе «политическая тематика», также для нее характерен самый высокий процент совместного участия различных оппозиционных партий. 60% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 90%. Ключевые игроки в этом блоке – правые непарламентские партии, а именно: члены ныне распавшейся «Демократической коалиции» (РПР-ПАРНАС, «Демократический выбор», «Партия 5 декабря» и «Либертарианская партия»). Ряд совместных акций по данной тематике был организован и поддержан левыми и леворадикальными объединениями: РОТ ФРОНТ, «Левым фронтом», «Объединенной коммунистической партией», «Национал-большевистской платформой». Важное событие здесь – прошедший под политическими лозунгами митинг «За науку и образование» (3000 участников), организованный группой ученых после внесения Минюстом РФ в реестр «иностранцев» фонда «Династия» и поддержанный, в том числе и участием в акции, многими из уже обозначенных непарламентских партий и объединений – и правых и левых. Данное

событие является практическим воплощением описанной выше, на стадии операционализации понятий, модели: конфликт, гражданский протест, мобилизационная активность, кооперация. Многие публичные акции были организованы самими политическими партиями традиционно в формате агитационных митингов. Наименьшее число граждан принимало участие в стихийных провокационных акциях по внешнеполитической тематике (См. *График 2*).

Graph 2. The Number of Public Protests and the Number of Participants according to the Issue and Parties

В группе «экология / градозащита» значение мобилизационной активности также превосходит значение гражданской, однако по сравнению с предыдущим блоком в меньшей степени. Значительно же упал показатель признака кооперации. 53% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 52%. Ключевые игроки в этом блоке – КПРФ и «ЯБЛОКО», идеологически непримиримые оппоненты, исходя из дискурса партийных лидеров этих политических организаций. Но представители именно этих партий поддержали массовые протесты жителей ряда

районов Москвы против вырубки парков под застройку религиозными объектами, спортивными и торговыми комплексами, публичные протесты жителей Новой Москвы против градостроительной политики правительства города, акции «Коалиции в защиту Воробьевых гор» (также принимали участие правые и левые непарламентские партии) против строительства на территории природного заказника. Важно отметить, что для данного блока событий характерна скоротечная институционализация протестных групп. Недовольные застройкой / вредным производством местные жители самоорганизуются в Сети и на стихийных публичных акциях («народных сходах»), объединяясь в общественные движения – «За парк Торфянка!», «Защитим Поляну в Тропарево!», «Оборона Левобережного» и так далее.

Интересная картина наблюдается в группе «социально-экономическая тематика, где гражданская активность доминирует над мобилизационной, а говорить об оппозиционной кооперации и вовсе не приходится. Всего 38% от общего числа участников событий в данной группе протестовали на акциях, организованных оппозиционными политическими партиями или прошедших с участием официальных представителей таковых, из них доля участников совместных акций оппозиции – 12%. Ключевой игрок в данном блоке – КПРФ. Как заметных игроков можно выделить «Справедливую Россию» и «ЯБЛОКО». Наиболее массовые мобилизационные акции были организованы самими политическими партиями по теме инфляции, безработицы, обвале курса рубля, проблемам в сфере ЖКХ, сохранения льгот для пенсионеров. При этом «Справедливая Россия» в своей публичной протестной активности сконцентрировалась только на проблемах в ЖКХ (коррупция в отрасли, сборы на капитальный ремонт). Для партии «ЯБЛОКО» характерна поддержка акций по теме давления бюрократии на малый бизнес. Основной массив событий, отнесенных к гражданской активности, составляют протесты валютных заемщиков (наиболее массовая акция – 3500 участников); независимых профсоюзов работников малого и среднего бизнеса (1000), образования (250), здраво-

охранения (100), частных пассажирских перевозчиков и работников такси (1500), автолюбителей (100), вкладчиков банков (100), так называемых дольщиков (150). Совместные акции проводили КПРФ и РОТ ФРОНТ. Традиционно взаимодействовали и леворадикалы: «Левый фронт», «Объединенная коммунистическая партия», «Национал-большевистская платформа», «Левое социалистическое действие». Видна и региональная специфика публичного политического взаимодействия. Так, в Липецкой области КПРФ взаимодействовала по теме ЖКХ с партией «Родина», а в Брянской области – по теме давления бюрократии на малый бизнес с партией «ЯБЛОКО».

Заключение

В целом доля участия оппозиционных партий в публичных протестных акциях составила 46%, из них доля совместных – 45% (См. График 3). При этом мероприятия, в которых приняли участие 54% протестующих граждан, вовсе были проигнорированы оппозицией (См. График 3). Эти протестные группы активно самоорганизуются и приобретают субъектность. В качестве уже организованных общественных движений они самостоятельно собирают подписи, привлекают к своим акциям СМИ, направляют обращения официальным представителям органов власти, то есть делают все то, что по неформальному контракту должны делать их представители в законодательной власти или желающие стать таковыми. Довольно высокое значение кооперации обманчиво, поскольку более половины таких акций приходится на политический блок, где активно взаимодействовали, с одной стороны, непарламентские правые (позднее и их коалиция распалась), леворадикалы – с другой. Крайне важно отметить, что крупнейшие игроки – парламентские оппозиционные партии – фактически не взаимодействуют между собой в публичной протестной плоскости. Однако специфика региональной и местной общественно-политической среды способствует появлению самых неожиданных союзов. Один из таких – кооперация КПРФ и партии «ЯБЛОКО» в области градозащиты и экологии.

График 3

Graph 3. Parties in Protets

Проанализировав соревновательную практику, сопоставим ее с оценками соревновательной возможности. В рейтинге Freedom House значение индекса политических прав в России по состоянию на 2015 год составляет 6 (наилучшее значение – 1, наихудшее – 7)¹⁴. Индекс рассчитывается на основе оценки индикаторов в трех подкатегориях: электоральный процесс, политический плюрализм и участие, функционирование правительства. В классификации Марка Ховарда и Филипа Ресслера¹⁵ политические режимы с таким показателем индекса политических прав Freedom House относятся к соревновательным авторитарным и гегемонистским авторитарным, разница между которыми, как уже было отмечено выше, определяется получением правящей партией более 70% голосов избирателей. Исследователи подчеркивают, что политическая оппозиция влияет на электоральную динамику в зависимости от того, создает ли она многопартийную коалицию, или совместно поддерживает единого кандидата в президенты от оппозиции, а также проводит ли мобилизацию, например, антиправительственные протесты. На практике, как мы установили, российская оппозиция отказалась от такой тактики. Даже на уровне

¹⁴ Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

¹⁵ Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2, p. 368.

уличных протестов оппозиционные игроки редко стремятся к кооперации и игнорируют гражданские протестные инициативы. В таких условиях, при явной ресурсной асимметрии между правящей партией и оппозицией, характерной для всех типов недемократических режимов, при фактическом отказе оппозиции от использования своего базового инструмента – прямой, личной, неформальной коммуникации с избирателем – выборы перестают рассматриваться в качестве соревнования между правящей партией и оппозицией. Выборы в таких условиях более похожи на два отдельных соревнования внутри правящей партии и внутри оппозиции за сохранение и усиление позиций игроков внутри каждого из флангов в политической системе.

Литература:

Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – № 4. – С. 31-43; Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // *Pro et Contra*. – 2014. – № 1-2. – С. 106-123.

Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Политология: Лексикон. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // *Полис*. – 2011. – № 3. – С. 164-183.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Трактории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // *Полис*. – 2012. – № 2.

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, p. 23.

Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.

Huntington, Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

References:

Diamond, Larry. Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Freedom House. Freedom in the World 2015 / Russia. Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/russia>

Gel'man, V. Ja. Rasvet i upadok jelektoral'nogo avtoritarizma v Rossii (Rise and Fall of Electoral Authoritarianism in Russia) // *Politija*, 2012, No. 4, pp. 31-43; Gel'man, V. Ja. Trudnoe vozrozhdenie rossijskoj oppozicii // *Pro et Contra*, 2014, No. 1-2, pp. 106-123.

Howard, M.; Roessler, Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, Vol. 50, No. 2.

Huntington, Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Levitsky, S.; Way, L. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2.

Mel'vil', A. Ju. Demokraticheskie tranzity. Politologija: Leksikon. (Democratic Transit. Political Science: Lexis)

Moscow: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2007.

Mel'vil', A. Ju.; Stukal D.K.; Mironjuk M.G. Traektorii rezhimnyh transformacij i tipy gosudarstvennoj sostojatel'nosti (Trajectories of Regime Transformations and Types of State Sustainability) // *Polis*, 2012, No. 2.

Mel'vil', A. Ju.; Stukal, D.K. Uslovija demokratii i predely demokratizacii. Faktory rezhimnyh izmenenij v postkommunisticheskikh stranah: opyt sravnitel'nogo i mnogomernogo statisticheskogo analiza (Conditions for Democracy and Limitations of Democratization. Regime Change in Post-Soviet Space: Comparative and Multidimensional Analysis) // *Polis*, 2011, No. 3, pp. 164-183.

Schedler, A. The Logic of Electoral Authoritarianism. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. Pp. 1-23.

Schedler, A. The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, 2002, Vol. 13, No. 2, pp. 36-50.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130>

COMPETITIVE AUTHORITARIAN REGIME: TACTICS OF OPPOSITION ACTORS

Vladislav S. Lapin

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 30 November 2016 <i>Accepted:</i> 28 May 2017</p>	<p>Abstract: Varieties of modern nondemocratic electoral political regimes is determined by institutional, structural, actor-oriented (procedural) differences between «the new autocracies». The trajectories of political transformation and regime changes in these hybrids depend largely on the specific political decisions and actions of key political actors in the process of democratization. This article analyzes the actions of the opposition from the angle of mobilization and cooperation as «winning» tactics in the electoral competitive nondemocratic regimes. The empirical part of the article includes: 1) forming a public protests database in the electoral cycle of 2015 (January-September) in the Central Federal District of Russia, which includes the regional authority elections, members of regional and local legislatures; 2) statistical processing of data of opposition's participation / nonparticipation in public protests, number of protesters, opposition cooperative actions, issues of protests; 3) designing and measuring empirically observable features of protests make it possible to segment the public protest activity into 2 basic parts: civic activity and mobilization activity – and then to analyze the scope of cooperation of various opposition parties in mobilization actions. These results make it possible to answer the following questions: to what extent Russian opposition actors use public protest activity as mobilization resource and to what extent they are prepared for cooperation in a public protest field?</p>
<p>About the author: Postgraduate Student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod e-mail: lapinvladislav@rambler.ru</p>	
<p>Key words: democratization, electoral regime, competitive authoritarian regime, opposition, civil society</p>	

Для цитирования: Лапин В.С. Соревновательный авторитарный режим: тактика оппозиционных акторов // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 3. – С. 120-130.
DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130

For citation: Lapin, Vladislav S. Sorevnovatel'nyi avtoritarnyi rezhim: taktika oppozitsionnykh aktorov (Competitive Authoritarian Regime: Tactics of Opposition Actors) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.3, pp. 120-130.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130